

УДК 811.161.1'38 + 821.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-61-65

СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ К. Д. БАЛЬМОНТА

Н. Г. Петрова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

На материале поэтического дискурса К. Д. Бальмонта, представленного сборниками стихов «Горящие здания» (1900) и «Только любовь» (1903), рассматриваются особенности концепта «одиночество», занимающего одно из важных мест в поэтической картине мира поэта. Установлено, что данный концепт в основном эксплицитно репрезентирован лексемой *один*. Немаловажное значение при его формировании принадлежит таким типам лексических регулятивов, как лексические регулятивные цепочки и лексические регулятивные структуры, основанные на синтаксическом параллелизме как частном случае повтора. Это позволяет трактовать указанные типы лексических регулятивов в качестве концептообразующих. Выявлено, что лирический герой К. Д. Бальмонта не только практически не испытывает отрицательных эмоций относительно своего духовного одиночества (одиночества-уединения), но и сознательно стремится к нему. Доказано, что концепт «одиночество» имплицитно связан с концептами «пустыня», «душа», «Бог» и «свобода». При этом связь концепта «одиночество» с концептами «Бог» и «пустыня» является традиционной. Связь же с концептами «свобода» и «душа» носит ярко выраженный индивидуально-авторский характер.

Ключевые слова: концепт «одиночество», лексический регулятив, поэтический дискурс, К. Д. Бальмонт.

Феномен одиночества в последние годы неоднократно становился предметом исследовательского внимания не только психологов и философов (см., например, работы С. В. Бакалдина, Т. Ю. Денисовой, Т. Н. Кочетковой, Р. К. Нуреевой), но и лингвистов (см. диссертации Н. В. Подзолковой, Н. С. Поздеевой, а также серию статей А. Ю. Барашевской и В. И. Шаховского).

Неослабевающее внимание к данному феномену со стороны ученых, по мнению Т. Ю. Денисовой, связано с осознанием одиночества в качестве константы человеческого бытия (существования) [1, с. 3].

Цель настоящей статьи, выполненной в русле коммуникативной стилистики текста, исследующей текст (речевое произведение) не только как форму коммуникации, но и как явление идиостиля [2, с. 58], состоит в рассмотрении своеобразия концепта *одиночество* в поэтическом дискурсе К. Д. Бальмонта (1867–1942) – одного из ярких представителей серебряного века.

Материалом для исследования послужили сборники «Горящие здания» (1900) и «Только любовь» (1903) [3], относящиеся, с точки зрения В. Крейда, как и сборник стихов «Будем как солнце» (1903), ко второму из трех значительных периодов доэмигрантского творчества К. Д. Бальмонта [4, с. 20–21].

Концепт представляет собой неоднородное образование. В его структуре, как полагают ученые, выделяются слои, уровни и т. д. (см. работы А. П. Бабушкина, С. Г. Воркачева, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина и З. Д. Поповой и др.).

При анализе концепта *одиночество* в поэтическом дискурсе К. Д. Бальмонта будем опираться на

позицию В. И. Карасика, предлагающего различать образный, понятийный и ценностный компоненты концепта [5].

Обращение к указанным сборникам стихов К. Д. Бальмонта показало, что концепт *одиночество* не только занимает важное место в поэтической картине мира поэта-символиста, но и обладает рядом особенностей.

В поэтических текстах двух книг К. Д. Бальмонта «Горящие здания» и «Только любовь» данный концепт эксплицитно репрезентирован преимущественно лексемой *один*, составляющей приядерную зону текстового ассоциативного поля концепта. Об этом красноречиво свидетельствуют данные полученного с помощью метода компьютерного анализа словника указанных книг поэта, общий объем которого составил 28 424 лексических единиц: если лексема *одиночество* встретилась только раз, *одинок* – 2, а *одинок* – 4 раза, то лексема *один* насчитывает 87 словоупотреблений.

Исследователями установлено, что большая часть характеристик одиночества в английской, немецкой, а также русской лингвокультурах является негативной (см. об этом: [6, с. 3–5; 7, с. 11; 8, с. 4]). В творчестве К. Д. Бальмонта, как показали наблюдения, отмечается динамика в отношении оценки концепта *одиночество*.

Так, во втором отрывке из поэмы «Погибшие» из сборника «В безбрежности», вышедшего в 1895 г., лирический герой, находясь в состоянии физического и эмоционального одиночества («без других, в отдельности от других»), переживает такие эмоции, как отчаяние и безысходность: *Помо-*

гите! Помогите! Я один в ночной тиши. // Целый мир ношу я в сердце, но со мною ни души...

Небезынтересно, что в отмеченном отрывке важную роль в передаче состояния тотального одиночества лирического героя играют не только отдельные лексические единицы с семантикой «отсутствие других» (*один, ни души, никто*), но и находящаяся в сильной текстовой позиции конца поэтического произведения адъективная бессоюзная лексическая регулятивная цепочка со значением интенсивности (безмерности) указанного состояния: *Шепчет Ветер перелетный: Ты один – один – один* (подробнее о видах регулятивных цепочек в поэзии К. Д. Бальмонта см., например: [9; 10, с. 117–121]).

В поэтических же произведениях, входящих в сборники стихов «Горящие здания» и «Только любовь», доминируют положительные представления об одиночестве. Отсутствие других теперь не только не пугает лирического героя, но и в большинстве случаев расценивается как благо. Ср., например: *«И вновь один, я вновь живу собой, / Мне снится радость вечно-молодая. // Моя душа оазис голубой, / Мои мечты цветут, не отцветая»* [3, с. 70].

Своего рода гимн одиночеству представляют собой заключительные строки стихотворения «Альбатрос» из сборника «Горящие здания»: *«О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным! // Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!»* [3, с. 114].

Символами одиночества в лирической миниатюре К. Д. Бальмонта выступают альбатрос и луна (ср., например, парус и сосна как символы одиночества у М. Ю. Лермонтова).

Одиночество оказывается связанным со *свободой* как отсутствием зависимости от кого-либо, *покоем*, а также *тишиной*. При этом у многозначной лексической единицы «*тишина*» одновременно реализуются все значения, зафиксированные в «Большом толковом словаре ...»: «**Тишина**, -ы; **жс**. 1. Отсутствие звуков, говора, шума; безмолвие, молчание. *Ночная, абсолютная, глубокая т. Неловкая т. Т. утра. Водворить тишину. Соблюдать, нарушать т. В лесу т. Мертвая, гробовая т. (усилит.)*. 2. Душевное спокойствие, умиротворение. *В душе мир и т.* 3. Отсутствие вражды, ссоры, общественных волнений, беспорядков. *Мнимая, общественная т. Т. мира. Установились т. и порядок. В доме мир и т.»* [11].

Осознание лирическим героем своей «чуждости» приводит к духовному одиночеству, понимаемому как «полное отсутствие у человека истинного взаимопонимания, несмотря на общение и взаимодействие с окружающими, наличие эмоциональных отношений» [12, с. 537]. См. примеры из сборника «Горящие здания»: *«Есть люди, присужден-*

ные к скитаньям, / Где б ни был я, – я всем чуждой, всегда» («Разлука») [3, с. 82]; *«Я один в просторах, где умолкло время, / Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога»* («Я – в стране, что вечно в белое одета») [3, с. 121].

Практически не испытывая отрицательных эмоций по поводу своего духовного одиночества (одиночества-удинения), лирический герой К. Д. Бальмонта сознательно стремится к нему, так как считает его единственно возможным состоянием для самопознания: познания собственной сущности (души), своих чувств и переживаний. Ср., в частности, следующие строки из стихотворения «Я ненавижу человечество ...» из сборника «Только любовь»: *«Я ненавижу человечество, / Я от него бегу спеша. // Мое единое отечество – / Моя пустынная душа. // С людьми скучаю до чрезмерности, / Одно и то же вижу в них. // Желая случая, неверности, / Влюблен в движение и в стих»* [3, с. 239].

Бегство от человечества вызвано, с одной стороны, предсказуемостью, типичностью поступков и чувств людей и, как следствие, их «неинтересностью» как для лирического героя, так и для самого поэта, с другой – стремлением к творчеству и обретению себя.

Сконцентрированность на внутреннем мире, мире собственных чувств и переживаний, приводит к смене полярности чувств, испытываемых как лирическим героем, так и К. Д. Бальмонтом: от ненависти к человечеству до обретения любви в себе как высшей ценности. См. строки из стихотворения «К людям», завершающие сборник стихов «Только любовь»: *«О, люди, я чувствую только Любовь!»* [3, с. 286].

Н. В. Подзолкова, занимаясь изучением концепта *одиночество* в немецкой и русской лингвокультурах, отмечает, что если специфически немецкими являются ассоциации одиночества с лабиринтом и лекарством, то специфически русскими – ассоциации одиночества со скорлупой, любовником, а также растением, омутом, болотом и туманом [8, с. 4].

Для К. Д. Бальмонта свойственна ассоциация одиночества с душой, представляющей собой «оазис голубой». Необычное сочетание, отражающее креативность мышления поэта, построено на усиливающих друг друга переносных значениях лексических единиц, его образующих: «**Оазис**, -а; **м**. [греч. oasis из егип.] 1. Место в пустыне или полупустыне, где есть вода и растительность. *О. среди песков. Небольшой о.: несколько тополей и кустов тамариска. Сделать привал в оазисе*. 2. (чего или какой). О том, что доставляет удовольствие, положительно отличаясь от окружающего. *О. добра и веселья. О. русских традиций. О. для души*. <...> и «**Голубой**, -ая, -ое. 1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего

между зеленым и синим; цвета ясного неба; светло-синий. *Г-ые глаза. Г-ые забудки. Г-ое платье. Г. конверт. Г. цвет. Что-л. голубого цвета.* 2. Ничем не ограниченный, лишенный всего неприятного, тягостного. *Г-ые сны. Г-ая мечта* (самая заветная, сокровенная, но обычно несбыточная). // Лишенный каких бы то ни было недостатков, отрицательных свойств и т. п.; идеализированный (обычно о персонаже художественного произведения, фильма и т. п.). *Г-ая роль. Г-ая характеристика.* <...> [11].

В поэтических текстах К. Д. Бальмонта концепт *одиночество* получает имплицитное выражение через актуализацию признаков таких концептов, как *душа*: «*Мое единое отечество – / Моя пустынная душа*» («Я ненавижу человечество ...») [3, с. 239]; *пустыня*: «*Благословляю бытие, / И если создал я пустыню, / Ее величие – мое!*» («И да, и нет – здесь все мое...») [там же, с. 102]; *Бог*: «*Я один в просторах, где умолкло время, / Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога*» [там же, с. 121].

Заметим, что связь концепта *одиночество* с концептами *Бог* и *пустыня* характерна также и для творчества А. С. Пушкина (см. об этом [7, с. 19]). Данный факт, с одной стороны, свидетельствует о некоторой близости концептосфер поэтов, с другой – позволяет говорить о традиции.

В наличии же связи анализируемого концепта с концептами *свобода* и *душа* видится индивидуально-авторское своеобразие.

Следует отметить, что в формировании концепта *одиночество*, кроме лексических регулятивных цепочек, принимают участие и лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приеме синтаксического параллелизма (см. о них [13]).

Так, в стихотворении «Я – в стране, что вечно в белое одета ...» значимой оказывается лексическая регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме с дистантным расположением членов параллели, причем каждая из параллелей включает в себя лексическую регулятивную цепочку с позиционным разделением: «*Ни души – в просторах призрачного света, / Не с кем говорить здесь, не с кем, кроме Бога*» – «*Я один в просторах, где умолкло время, / Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога*» [3, с. 121].

рах, где умолкло время, / Не с кем говорить мне, не с кем, кроме Бога» [3, с. 121].

В стихотворении «Моя душа оазис голубой ...» аналогичную функцию выполняет частично конгруэнтная рамка на уровне целого текста. Ср.: «*Моя душа оазис голубой, / Средь бледных душ других людей, бессильных*» – «*Моя душа оазис голубой, / Мои мечты цветут, не отцветая*» [там же, с. 70].

Таким образом, у лексических регулятивов отмеченных типов наблюдается расширение функциональных возможностей: они не только управляют познавательной деятельностью читателей на разных уровнях смыслового развертывания текста (на уровне высказывания и блока высказываний, включая и целый текст), но и выступают в рамках поэтического дискурса в качестве концептообразующих элементов.

Анализ концепта *одиночество*, проведенный на материале поэтического дискурса К. Д. Бальмонта, представленного двумя сборниками стихов «Горящие здания» (1900) и «Только любовь» (1903), позволил установить, что указанный концепт, занимая одно из важных мест в поэтической картине мира автора, репрезентирован эксплицитно преимущественно лексемой *один*.

Одиночество-единение (духовное одиночество), коррелирующее с состоянием спокойствия и душевного равновесия, не только оценивается положительно, но и является единственно возможным состоянием для лирического героя К. Д. Бальмонта.

Если выявленная связь концепта *одиночество* с концептами *Бог* и *пустыня* носит традиционный характер, то связь с концептами *свобода* и *душа* отражает индивидуально-авторское своеобразие.

Поскольку в формировании концепта *одиночество* (как его ядра, так и периферии) принимают участие разные виды двух типов лексических регулятивов: лексические регулятивные цепочки, основанные на тождественном повторе, и лексические регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме, то считаем правомерным рассматривать данные типы лексических регулятивов в качестве концептообразующих элементов.

Список литературы

1. Денисова Т. Ю. Одиночество как экзистенциально-социальный феномен: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.
3. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990. 608 с.
4. Крейд В. Поэт серебряного века // Бальмонт К. Д. Светлый час: стихотворения и переводы из 50 книг. М.: Республика, 1992. С. 5–26.
5. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
6. Барашевская А. Ю., Шаховский В. И. Одиночество как проблема коммуникативной лингвозкологии // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 1–14. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=59&lang=ru> (дата обращения: 14.05.2016).

7. Поздеева Н. С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта *одиночество*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2013. 22 с.
8. Подзолкова Н. В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.
9. Петрова Н. Г. Лексическая регулятивность на уровне высказывания: универсальное и индивидуальное в поэтическом дискурсе символистов // Сибирский филол. журнал. 2010. № 3. С. 134–143.
10. Петрова Н. Г. Типы лексических регулятивов и их взаимосвязь в лирике К. Д. Бальмонта // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. С. 14–140.
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 17.02.2017).
12. Кочеткова Т. Н. Противоречивая сущность концепта «одиночество» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 9 (53). С. 534–542. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-41.
13. Петрова Н. Г. Типы лексических регулятивных структур в поэзии К. Бальмонта // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 1998. Вып. 6. Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 23–29.

Петрова Нина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126). E-mail: npetrova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 03.04.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-61-65

THE PECULIARITIES OF THE CONCEPT “SOLITUDE” IN K. D. BALMONT’S POETIC DISCOURSE

N. G. Petrova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

The article studies the peculiarities of the concept “solitude” on the basis of K. D. Balmont’s poetic discourse which is represented by the books of poems “Burning Buildings” (1900), “Only Love” (1903). The concept under review occupies one of the highest places in the poet’s poetic worldview. The analysis of the concept is based on the position of V. I. Karasik, who distinguishes the figurative, conceptual and value components in the structure of the concept. It is established that the concept “solitude” is mainly explicitly represented by the lexeme “one” in a poetic discourse of K. D. Balmont. Such lexical regulative units as lexical regulative chains and lexical regulative structures based on syntactic parallelism as a particular case of repetition play a very important part in the formation of the concept. It allows us to consider these types of lexical regulative units as concept-forming. It is found out that K. D. Balmont’s lyric character scarcely experiences negative emotions about his spiritual solitude (solitude-privacy). Moreover, he consciously aspires to it. It is approved that the concept “solitude” is implicitly associated with such concepts as “desert”, “soul”, “God” and “freedom”. The connection between the concept “solitude” and the concepts “God” and “desert” is traditional whereas the connection between the concept “solitude” and the concepts “freedom” and “soul” has a completely individual authorial character.

Key words: *concept “solitude”, lexical regulative unit, poetic discourse, K. D. Balmont.*

References

1. Denisova T. Yu. *Odinochestvo kak ekzistentsial’no-sotsial’nyy fenomen. Avtoref. dis. kand. filosof. nauk* [Loneliness as an existential-social phenomenon. Abstract of thesis cand. of philosoph. sci.]. Novosibirsk, 2008. 25 p. (in Russian).
2. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar’-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
3. Bal’mont K. *Izbrannoye: Stikhotvoreniya. Perevody. Stat’i* [Selected works: Poems. Translations. Articles]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 608 p. (in Russian).
4. Kreyd V. *Poet serebryanogo veka* [The poet of the silver age]. *Bal’mont K. D. Svetlyy chas: stikhotvoreniya i perevody iz 50 knig* [Balmont K. D. Bright Hour: poems and translations from 50 books]. Moscow, Respublika Publ., 1992. Pp. 5–26 (in Russian).
5. Karasik V. I. *O kategoriyakh lingvokul’turologii* [On the categories of linguoculturology]. *Yazykovaya lichnost’: problemy kommunikativnoy deyatel’nosti* [Linguistic personality: problems of communicative activity]. Volgograd, Peremena Publ., 2001. Pp. 3–16 (in Russian).
6. Barashevskaya A. Yu., Shakhovskiy V. I. *Odinochestvo kak problema kommunikativnoy lingvoekologii* [Loneliness as a problem of communicative linguoecology]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2014, no. 2, pp. 1–14 (in Russian). URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/?p=59&lang=ru> (accessed 14 May 2016).

7. Pozdeeva N. S. *Kommunikativno-diskursivnye priznaki kontsepta odinochestvo. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Communicative and discursive characteristics of the concept of loneliness. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Arkhangel'sk, 2013. 22 p. (in Russian).
8. Podzolkova N. V. *Kontsept «odinochestvo» v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concept of «loneliness» in German and Russian linguocultures. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Volgograd, 2005. 19 p. (in Russian).
9. Petrova N. G. *Leksicheskaya regulyativnost' na urovne vyskazyvaniya: universal'noye i individual'noye v poeticheskom diskurse simvolistov* [Lexical regulativity on the level of an utterance: the universal and the individual in the poetic discourse of symbolists]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2010, no. 3, pp. 134–143 (in Russian).
10. Petrova N. G. *Tipy leksicheskikh regulyativov i ikh vzaimosvyaz' v lirike K. D. Bal'monta* [Types of lexical regulatives and their relationship in the K. D. Balmont' lyrics]. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulyativnost' v tekstovoy deyatel'nosti*. Pod red. N. S. Bolotnovoy [Communicative stylistics of text: lexical regulativity in textual activity. Under the editorship of N. S. Bolotnova]. Tomsk, TSPU Publ., 2011. Pp. 114–140 (in Russian).
11. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Gl. red. S. A. Kuznetsov [Great Dictionary of the Russian language. Chief editor S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed: 17 February 2017).
12. Kochetkova T. N. *Protivorechivaya sushchnost' kontsepta «odinochestvo»* [Contravercy in the concept of "loneliness"]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) – Modern Research of Social Problems*, 2015, no. 9(53), pp. 534–542 (in Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-9-41.
13. Petrova N. G. *Tipy leksicheskikh regulyativnykh struktur v poezii K. Bal'monta* [Types of regulating structures in K. Balmont's poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 1998, no. 6, pp. 23–29 (in Russian).

Petrova N. G., Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Viluyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126). E-mail: npetrova@ngs.ru